

Лужники - это то, что надо
во всех элементарных отноше-
ниях: удобства, порядка, сати-
стики...

Всякому по калачу,
а зевакам по зевку

ЭПОХА • Алексей ВЕНИАМИНОВ

Если между сельдами в бочке напихать всякого товару - получатся в чистом виде Лужники где-то после полудня. А если в эту бочку, не приведи Господи, упадет нечто, как на Юпитер, - страшно подумать, скольких сограждан мы в один момент недосчитаемся. Территория лужниковского рынка огромна и вся испосована торговыми рядами. На воздухе и внутри строений спортивного комплекса одних торговцев невероятное скопление. Ими можно укомплектовать пускай не армию, но дивизию точно. Прочего народу - нашествие, какого Москва не знала ни от каких басурман и тушинцев. Лужники - Иерусалим и Мекка по масштабам паломничества из близлежащих провинций. Вавилон!

«ЧЕЛОВЕК
БЕЗ ДЫРКА
НЕ БЫВАЕТ,
А ТЫ ХОЧЕШЬ,
ЧТОБ - ЗОНТИК...»

ЧЕЛНОЧНЫЙ
ВАВИЛОН

На излете советской эры Москва окончательно стала самым, так сказать, экзотическим местом на Руси. Ей-богу, москвичи - это уже особый этнос (впрочем, это, может быть, не такая и новость). Отчасти - наподобие ленинградско-петербуржцев и одеситов или, черт возьми, вологжан. Но только отчасти.

Москва! Питер! Одесса! Черт побери, Вологда! В каждом этом слове есть определенная претензия, привкус и шарм. Всяк живущий там имеет сугубо тамошний колорит, хотя не всяк живущий там некоторым образом кулик, даже если там же и прописан. Вот, кстати, куликов-то менее всего в Москве. Москвичи, без сомнения, обожают свой город, до того обожают, что московская прописка превратилась в их второе «я». О потомственных или какого-нибудь изповского или великопереломного колена москвичих разговор отдельный. Но основная масса, не считая «лимиты», ничего такого уж особенного за своей столицей так уж слишком не числит. А между тем нет в России населенного пункта своеобразнее Москвы.

Примечательно специфична наша столица именно в тех своих извилах и на тех пространствах, где преобладает инородная толпа. То есть в центре, ну и, конечно же, в торговых точках, в своих заповедных универсамах. Уже несколько десятилетий, нахлынув с утра, чтобы схлынуть к вечеру, переливается, словно ртуть, в пределах Садового

кольца до умиления бестолковая масса провинциалов с самоцелью покупок, покупок и только покупок. Прежде к отоварке на (не без того) благовоенных тормозах примешивалось посещение мавзолея, теперь только Кремля с Красной площадью.

Многим, весьма многим москвичам всегда было присуще презрительное отношение к этому довольно трогательному явлению. Как слепые котят, тыкались их провинциальные сограждане в столичных дубрях, виновато проталкивались в магазинах, сцепляясь растопыренными сумками. И вместе с этой незаслуженной виноватостью вынашивали недоброе чувство к столице и ее обитателям. Недурно, дескать, устроились на нашем хребте, все к себе поселили со всей страны, в которой, кроме Москвы, шаром покати.

Но вот московские прилавки стремительно запустили. Был даже момент, когда - неслыханное дело - москвичи отправлялись за продуктами к родственникам в провинцию. Столица перешла на талоны наряду с регионами. Это могло показаться подтверждением домословов о том, что она существует на их счет. Однако этот период носил весьма молниеносный характер. В мгновение ока Москва подверглась такому заговариванию, какого не мог вообразить ни один старожил.

Все вернулось на круги своя, совершив в одночасье несколько спиральных витков. Центр Москвы превратился в стихийный рынок. Власти

схватились за голову. Кое-где даже инсценировали строительство, в коем не было надобности, - дабы пресечь возникновение стихийной барахолки. Желая осмотреть достопримечательности белокаменной волеиневолей приходилось быть свидетелями первых очевидных результатов гайдаровской реформы.

Как ни странно, товары продолжали скапливаться в Москве уже сами собой, без всяких на то плановых директив. Оптовая торговля с провинцией еще не наладилась, на местах дефицит не отцвел (хотя колбасная проблема устранилась), а в столице можно было на каждом углу купить сравнительно недорого нужные вещи, и самое интересное - качественные вещи, которые сейчас не сразу сыщешь в Москве.

Спекулятивный бум, охвативший население, вытеснил с рынка качественный товар даже в Москве, загнав его в элитарные торговые точки, под высоковатые цены и долларовые ценники. Подделка и штамповка на сегодняшний день прочно держит лидерство и будет держать до тех пор, пока ее не отринет спрос. А спрос на нее уже не первый год стабильно сохраняется за счет провинции. Это становится очевидным на первых же метрах за оградой Лужников, куда в основном водворена выметенная с вокзалов и улиц толкучка.

На каждом шагу в Лужниках на вопрос: «Сколько стоит?» - слышится контрольный вопрос: «Оптом?» На ценниках наряду с розничными то и дело

найдешь оптовые цены. Лужники - это, по существу, перевалочная база, каждодневно распаивающийся гигантский склад, откуда товар развозится по стране перекупщиками. Лужниковские «купцы», сошедшие со страниц «Тысячи и одной ночи», только без верблюдов и с менталитетом еще довольно советского спекулянта, явно ориентируются на оптового покупателя, не особо церемонясь с розничным. А оптовиков интересует не столько качественный товар, сколько дешевка, на которой можно что-то наварить. В результате на вологодском рынке вы с трудом найдете пускай и дорогостоящую, но отличную вещь. Дрянной ширпотреб царит повсюду, ибо ныне его звездный час. Правда, в Москве его ассортимент пошире и стоимость терпимей, иной раз и вдвое, а при особой удаче - так и втрое.

Ну, при какой такой особой удаче? Где-нибудь на свободном пятачке близ собственно лужниковского «аквариума», где можно перекусить и хрюкнуть для души прыти в ногах, подскочат к вам две-три бронетки челночной разновидности, представившиеся итальянками, и наваяют вам продукцию божественной Италии, кстати, славящейся разнообразными фальшивками. Правда, итальянская-то фальшивка будет лучше китайской. Наваят так, что умрешь со смеху и не передашь словами. «Пан, пан, пше, пше, парашод отходит в Рим, вот виза, настоящий товар, задаром, пан, цигель, пан, поли-